

логия и теория литературы. *Примеры заданий*: анализ системы персонажей, композиции, сюжета и конфликта, хронотопа, языковой ткани (лексики, грамматики, стилистики), заглавия и повествовательной структуры. Эффективным инструментом является создание ментальных карт (MindMeister, Miro) для визуализации связей между элементами текста.

На втором уровне произведение рассматривается как результат художественной трансформации личного опыта автора. Задания формируют умение работать с биографическими источниками (письма, дневники, интервью, мемуары, черновики) как инструментом интерпретации. Реализация межпредметных связей осуществляется во взаимодействии с такими дисциплинами, как история, психология и культурология. *Примеры заданий*: анализ эпистолярного наследия и дневниковых записей, сопоставление фактов личной биографии с сюжетными коллизиями, составление хронологии жизни и творчества с наложением на событийный ряд произведения, исследование исторических событий и их художественной трансформации. Студенты могут создавать интерактивные таймлайны (в Timeline JS, Miro или на ватмане), на которые накладываются ключевые сюжетные события.

На третьем уровне произведение помещается в диалогический контекст сначала национальной, затем европейской и мировой литературы. Задания формируют понимание текста как звена в цепи межкультурной коммуникации. Реализация межпредметных связей осуществляется во взаимодействии с такими дисциплинами, как история, философия, зарубежная литература, этика и социология. *Примеры заданий*: сопоставительный анализ с текстами-предшественниками и современниками, анализ рецепции произведения в других национальных литературах, сравнительный анализ тематических и мотивных комплексов в контексте мировой литературы. Эффективным форматом выполнения является разработка индивидуальных или групповых проектов (сайты, видео-эссе), в которых исследуется связь произведения с другими текстами и контекстами.

Заключение. Таким образом, разработанная на основе историко-контекстуального метода А.А. Гугнина модель обучения интерпретации художественного текста позволит восполнить дефицит целостных методик в высшей школе. Модель формирует у студентов способность видеть в тексте одновременно самодостаточную языковую систему, личностное высказывание автора и участника большого культурного диалога, что соответствует профессиональным компетенциям филолога-исследователя. Перспективы дальнейшего исследования связаны с апробацией предложенной системы в курсе истории литературы страны изучаемого языка и адаптацией модели для различных профилей филологического образования.

1 Анализ и интерпретация художественного произведения : учеб. программа для специальности 6-05-0113-07 «Музыкальное образование» / сост.: Ю. Ю. Захарина, М. Ю. Шатарова // Репозиторий БГПУ. – URL: <https://elib.bspu.by/handle/doc/68651> (дата обращения: 09.02.2026).

2 Гугнин, А. А. Художественный текст: анализ или интерпретация / А. А. Гугнин // Проблемы истории литературы / [Сб. ст.; ред. А. А. Гугнина]. – Новополоцк : ПГУ, 2003. – № 5. – С. 200–227.

3 Новикова, В. Ю. Анализ художественного произведения: междисциплинарный подход / В. Ю. Новикова // Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – №5. – С. 147–154.

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» В РАССКАЗЕ А. ГРИНА «ГНЕВ ОТЦА»

Отвалко А.Г.,

студент 2 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Крикливец Е.В., доктор филол. наук, доцент

Противопоставление двух антонимичных категорий – значительная черта в прозе известного писателя начала прошлого столетия Александра Грина. Добро – зло, мир грёз – реальность. Рассказ «Гнев отца» не становится исключением. Линия демаркации между понятиями «своего» и «чужого» здесь проходит в пределах одной семьи и даже в пределах сознания главного героя – маленького Тома, который, по сюжету, «*подвергся нападению тетки Корнелии и ее мужа, дяди Карла*» [1, с. 274]

Цель исследования – выявить способы реализации оппозиции «свой» – «чужой» как основы психологического конфликта рассказа и ключа к пониманию авторской концепции семьи.

Материал и методы. Материалом служит рассказ Александра Степановича Грина «Гнев отца». Предметом исследования является реализация дихотомического деления «свой» – «чужой» в данном рассказе. Рассмотрение этой самой оппозиции позволяет выявить глубинные механизмы формирования художественного мира произведения.

В ходе исследования были использованы описательный и сравнительно-типологический методы.

Результаты и их обсуждение. С самого начала автор дает понять читателю, что Том находится в среде, к нему не слишком дружелюбной: «Просторный чопорный дом не выносил легкомыслия...» [1, с. 274]. Корнелия и дядя Карл всячески наказывают маленького Тома за проступки, пугая при этом «гневом» отца. Отец, Гаральд Беринг, был в путешествии и вот-вот должен вернуться. Гнев является полноправным героем произведения. Том не знает, что такое гнев, и спрашивает о нем, но не у тетки или дяди, а у Оскара Мунка, литератора. Мунк же шутя описывает гнев страшным существом. Мунк трансформирует восприятие ребенка. Абстрактное понятие становится вполне явным чудовищем, пугающим мальчика.

Гнев становится психологическим оружием подавления для тетки Корнелии и дяди Карла. Сами они представляют «чужое»: у Карла «жесткие пальцы» [1, с. 276], Корнелия – вовсе «взбешенная старуха» [1, с. 276]. Явным является контраст с персонажами, представляющими для главного героя «свое»: у отца «теплая, большая рука» [1, с. 276], а у Кэт «теплый щекочущий голос» [1, с. 278]. Так две сферы противостоят друг другу на уровне эпитетов.

Страх гнева, который вот-вот нагрянет, становится катализатором сюжета произведения. Страх мальчика нарастает и, в конце концов, разрешается в поступок, служащий освобождением от него. Том выстреливает в белое существо из привезенного Берингом сундука. Это самое «чудовище» является, конечно, ничем иным, как статуэткой или чучелом, привезенным отцом из путешествия. Его можно рассматривать как что-то, что находится на грани реального и ирреального, как черту «романтического двоемирия» прозы А. Грина [2, с. 194], настолько ярко вспыхивает этот образ: «высотой четверти в две, белое четырехрукое чудовище озлило на него из сундука страшные, косые глаза» [1, с. 279].

Отец не ругает сына, он спасает его от тирании, царившей в доме до его приезда. Стоит подчеркнуть, что название рассказа оказывается антонимично к его содержанию. Никакого гнева, как эмоции, у отца нет. Справедливым является замечание Е.В Ковского о том, что «естественным и необходимым свойством человека представляется Грину не страдание, а сострадание» [2, с. 150]. Именно сострадание мы обнаруживаем в финальных строках произведения, где Беринг, отец мальчика, произносит:

– Успокойся, Том, – сказал Беринг, со вздохом облегчения сжимая трепещущее тело сына. – Я все знаю. Мой маленький Том... бедная, живая душа!» [1, с. 279].

Заключение. Психологический конфликт рассказа «Гнев отца» разворачивается во внутреннем мире ребенка, Тома. Движимый желанием все-таки защитить «свое», он совершает поступок, высвобождающий его от тирании «чужого»: тетки и дяди, не умеющих услышать его. Таким образом, противопоставление категорий «своего» и «чужого» является для произведения сюжетообразующим. Грин показывает, как настоящая близость людей определяется способностью любить и понимать. Этим психологическим обстоятельством и очерчивается гуманистический пафос рассказа.

1 Грин, А.С. Бегущая по волнам: Роман; Рассказы / А.С. Грин. – М.: Художественная литература, 1989. – 288 с.

2 Ковский, В.Е. Романтический мир Александра Грина / В.Е. Ковский. – М.: Наука, 1969. – 296 с.